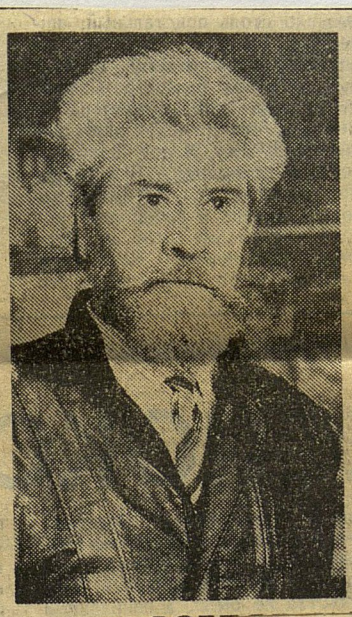
Можаев Борис

Борис Можаев: Труд.-1993.-1июня.

«В деревне наша надежда на возрождение»



Кто как, а я не верю. Просто в голове не укладывается, что любимому многими писателю и публицисту, доброму другу нашей газеты Борису Можаеву сегодня стукнет 70. Ведь если за плечами две трети века, впору угомониться, успокоиться — отдыхай себе в мягком кресле да взирай на политические дрязги и житейскую суету с высоты своей писательской славы и мудрости. Но нет, Борис Андреевич не таков. Прочитал на днях письмо в «Труд» от обделенных землей мужиков — и тотчас загорелся, как костер на ветру: «Надо ехать и врезать головотяпам как следует. В таких делах спуску нельзя давать. Это ж земля!».

Слава Богу, время его не берет. Все так же молод душой, весел и легок на подъем, все так же напорист и горяч. С этого и начался наш недавний, предъюбилейный разговор...

(Окончание на 2-й стр.).

Борис Можаев: Труд.-1993.-1июня.

«В ДЕРЕВНЕ НАША НАДЕЖДА НА ВОЗРОЖДЕНИЕ»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Сколько вас помню, Борис Андреевич, все вы воюете с чиновными ретроградами — за землю, за волю, за мужика. Так в борьбе полвека и пролетело.

— Да, пролетело... как один день. Помните шутку Лермонтова? «И право, Пушкин наш не врет, сказав, что день забот пройдет... А что пройдет, то будет мило...» С одной стороны, посмотришь — вроде бы и делом занимался... Ведь все эти споры да схватки с чиновниками есть как-никак попытка содействия разумному устроению жизни; а с другой стороны — оглянешься вокруг да и спросишь самого себя: «Улучшилась она, эта самая жизнь?» Нет. Народу не стало лучше. И от этого сознания тошно становится...

— Вот я иногда думаю: может, деревне просто на правителей не везло? Едва ли не все генсеки и премьеры были, перефразируя классика, страшно далеки от крестьянства. Вы ж со многими из «неприкасаемых» были знакомы, знали, кто чем дышит...

— Дело не в отдельных «неприкасаемых» личностях. Хотя и от них многое зависит. Беда в том, что нас как душила, так и душит дикая нетерпимость. Это неважно, что раньше она называлась сталинизмом, потом волюнтаризмом, застоем, перестройкой, теперь реформой. Суть ее—административный произвол и ненависть к инакомыслию — не меняется. Как мужики рассуждают: «Они говорят одно, а подразумевают другое». Вот вам свежие примеры: только что провозгласили по велению свыше лозунг: «Сбить инфляцию к концу года на 10 процентов в месяц». И тут же объявляют в другом приказе — повысить в несколько раз цены на энергоносители, то бишь нефть, бензин-«карасин» и прочее. Тут и дремучему дураку ясно, что все цены, в том числе и на продукты, снова резко возрастут. Из-за чехарды с ценами страдают производство, экономика, а следственно, и люди. Так не зудите хоть до поры со своими обещаниями — сбить инфляцию «к концу года». До того конца еще дожить надо. Вот о чем следует думать, вот отчего голова должна болеть...

Вон на днях сообщили—строевой лес, заготовленный, в огромных штабелях лежит в красноярской тайге, дающей одну треть всей нашей древесины. Почему? А потому — заготовка кубометра леса стоит пять тысяч рублей, а вывозка его — в восемь раз больше! Это ли не абсурд? Абсурд! Точнее — головотяпство. А им ничто. В этот разгар экономического произвола все брошено на сотворение новой конституции — «основного закона», так сказать... А на все эти «побочные» законы, а точнее, беззакония, при устроении жизни наплевать, что ли? Совещание за совещанием гонят для «завершения подготовки проекта». Уже слышно, что уйдет на это «примерно 18 дней...». Будто не Основной Закон вырабатывается на века, а пускаются в перепляс — два притопа, три прихлопа.

Вы сказали, что все генсеки и премьеры «страшно далеки от крестьянства». И не только от крестьянства, какими были они «выходцами из народа», такими и остались. Да, мне приходилось встречаться с некоторыми из них. Да что толку? Не раз спорил с Полянским аж в присутствии целого синклита. Вроде бы и соглашался он с моими доводами, но дальше пустых обещаний дело не шло. Спорил заочно и даже воочию с Горбачевым. И что же? А ничего. Пока они при должности, то ведут себя, как глухари на току,— сами кричат и никого не слышат.

Они и теперь эти вопросы об устроении землепользования актуальны. Писал я об этом еще более тридцати лет назад, пишу и теперь. Почитайте мои сборники статей «Запах мяты и хлеб насущный», «Надо ли вспоминать старое». Они и сейчас все так же злободневны. К сожалению, к стыду нашему, мало что изменилось, и не всегда к лучшему.

— Похоже, земельный вопрос был и остается для нас заклятым. Вот и сегодня — делим, делим, а конца, то бишь сытости, не видать. Обид больше. Поджоги начались...

— Да, земельный вопрос в России был издревле роковым вопросом: закабаление вольных хлебопашцев всегда вызывало опустошение в провинции, бегство поселян и даже бунты. Восстание Стеньки Разина и Пугачевщина были следствием введения крепостного права и конфискации крестьянских земель в пользу помещиков. Тамбовское восстание в гражданскую войну, волнения крестьян Заволжья, Сибири — тоже следствие земельной политики большевиков. Я уж не говорю о бесчисленных восстаниях начала тридцатых годов, вызванных коллективизацией.

И теперь мы стоим, боюсь, на пороге земельных волнений. Я уже писал в «Труде», как продали деревню заезжим ухарям, — забрали у жителей общие земли, урожаи, молочную ферму, трактора... Крестьян оставили ни с чем. И вот в вашей же газете вчера было о поджогах в Хворостянском районе Самарской области. Причина—своеволие и самоуправство местных чиновников: кому нарезали по сотне гектаров земли, кому остались «колхозные обрезки» по семь— по восемь га, а иным жителям деревни — кукиш показали. Оттого и поджигают друг друга.

Все потому, что путного земельного закона так и не создали. А иные законодатели вместо того, чтобы выработать строгий земельный закон, криком кричат о введении вольной торговли землей. Нам только и не хватает теперь земельной спекуляции, хотя она подспудно и существует. Да, разумеется, землю надо и продавать по жестким контролируемым ценам горожанам, желающим заниматься подсобным хозяйством. Исполать! Но не надо обделять сельскую интеллигенцию, желающую работать на земле; и учителей, врачей надо наделять землей бесплатно, как и крестьян. И надо бить по рукам тех, кто не может расстаться со скверной замашкой прихватить то, что плохо лежит в колхозах и совхозах; многие из этих хозяйств еще дееспособны, и они-то дают главную продукцию и кормят страну.

Короче говоря, земельный закон — основа государственной остойчивости. Пора уж уяснить эту истину.

— Коренной остается проблема частной собственности. На Западе земля в руках конкретных хозяев «работает», по крайней мере люди не гоняются за куском колбасы. У нас пока что небольшие участки продавать начинают—официально, на аукционах...

— Я не против частной собственности на землю, но она должна быть строго узаконена. На Западе «работает» не частная собственность на землю, а хорошо налаженные фермерские и кооперативные хозяйства, которых бережно опекает и поддерживает государство. И у нас, кстати, есть превосходные и кооперативные, и фермерские хозяйства. Но у нас таких благополучных хозяйств мало; вот и надо нашим государственным и прочим заведениям и деятелям всячески поощрять развитие ферм и кооперативов, а не давить их, как мухоту, налогами да непомерно вздрюченными ценами на все: на технику, на горючее, на удобрения... Вот тогда и у нас будет больше хлеба и всего прочего.

А от продажи земли на аукционах хлеб не растет. Растут только цены, то бишь — инфляция.

— Сейчас смелых стало много. И не только которые с пером. Есть немало желающих разыграть «крестьянскую карту» в угоду политическим амбициям. Из тех, что молчали или говорили совсем другое в недавние времена

— Желающих разыграть «крестьянскую карту» всегда было в избытке. Вспомните, как иные теперешние «демократы» надрывались на собраниях и пленумах, прославляя «ипатьевский групповой» метод, сгноивший на стерне горы зерна в погоне за рекордами по жатве хлеба. А бодюловское чудо-юдо, лопнувшее, как мыльный пузырь? Кто же прославлял всю эту фанаберию, принесшую огромные убытки государству? А все те же витии — цекисты бывшие, а теперешние демократы, либералы и даже вожаки партий. Кормятся.

— Борис Андреевич, все-таки, как правило, публицистика и писательство — вещи трудносовместимые. Первая треплет нервы и отнимает время, к тому ж таит великий соблазн удариться в политику — от которого, к слову, многие из ныне живущих прозаиков не уберегли. Вы же как-то умудряетесь первое со вторым удачливо совмещать.

— Как вам сказать!.. Политика и литература — две вещи несовместные, поэтому я никогда не стремился в политику. Что же касается публицистики, то редкий писатель не брался за перо публициста. Вспомните Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого... Вся суть в том, что за публицистика. Что ты хочешь? Сказать людям нечто важное или вскочить на плетень, как кочет, да похлопать крыльями?

— Юбилей — это повод оценить, все ли в прошлом правильно делал. И, конечно, глянуть вперед, прикинуть ближайшие планы.

— Ну, чего о прошлом жалеть? Что было, то было. Кое-что вроде бы получилось, ну а что не задалось, того не переделаешь. Что написано пером, того не вырубишь топором.

Загадывать я не научился, тружусь помаленьку. Вот пишу вторую книгу романа «Изгой», намереваюсь съездить на Дальний Восток, написать очерки... Ну и, конечно, буду писать рассказы, статьи о деревне, о земле. Там вся надежда на возрождение наше.

— Что же, спасибо вам. И пожелание всех благ, поздравление от миллионов читателей «Труда» в связи с юбилеем.

Беседу вел Василий ЩУРОВ.

На днях президентским указом Борис Можаев награжден орденом Дружбы народов — «за большой вклад в развитие отечественной литературы и укрепление межнациональных культурных связей».